

Пенелопа Цилкок

ВОКОЛ
и ГОЛУБЬ

Книга первая

*Посвящается Дэвиду Боусу
с глубокой благодарностью*

Предисловие

За долгие годы, пока эта серия книг выходит в печати, многие люди успели высказаться о ней в обзорах. Чаще всего выражают противоположные мнения по поводу композиционного построения первых двух томов, так что в итоге я сочла полезным дать небольшое пояснение.

Первая книга из этой серии, «Сокол и голубь», написана в виде отдельных рассказов из жизни средневекового монастыря, которые мать пересказывает своей дочери современным языком.

И эта структура, и несколько наивный стиль изложения были выбраны мной не случайно, мне хотелось отдать дань уважения двум средневековым текстам — «Кентерберийским рассказам» Чосера и «Цветочкам святого Франциска Ассизского».

В «Кентерберийских рассказах» используется литературный прием «рамочной конструкции», а «Цветочки» представляют собой сборник коротких (не вымышленных) историй, где описывается зарождение францисканского движения, приведшего к созданию ордена.

Увлеченная стилем и структурой этих древних текстов, я решила выстроить роман «Сокол и голубь» подобным же образом. Это дало мне возможность балансировать между двумя мирами — средневековым и современным, монастырским и светским, женским и мужским. Во второй книге, «The Wounds of God», я придерживалась той же модели. А вот в следующих томах выбранные темы уже не укладывались в рамки этой конструкции, так что в «The Long Fall» и далее я от нее отказалась.

Теперь, двадцать пять лет спустя после опубликования первой книги, когда серия возвращается (в этом новом издании) после долгого и успешного путешествия по Америке обратно в Англию, где все начиналось, я подумала, не переписать ли первые два романа в обычном повествовательном стиле, который присущ остальным томам.

Но в конце концов решила не делать этого. Отчасти потому, что многим матерям понравилась сама идея семейных преданий, отчасти ради многих читателей, чья жизнь наполнена заботами и спешкой и кто был рад получить роман, разбитый на короткие главы, которые удобно читать во время обеденного перерыва или перед сном. А кроме того, я люблю святого Франциска и Чосера и весь мир Средневековья и хотела таким

образом выразить им свое признание. Наконец, я до сих пор испытываю нежные чувства к своему литературному дебюту, которым стал «Сокол и голубь». Мне кажется, в нем есть что-то от простоты Самого Иисуса.

*Пенелопа Уилкок,
февраль 2015 г.*

Община аббатства Святого Алкуина

Монахи

Брат Эдуард	<i>инфирмарий</i>
Отец Чад	<i>приор</i>
Отец Колумба	<i>аббат — известен как отец Перегрин</i>
Отец Лукан	<i>престарелый брат, упоминается вскользь</i>
Брат Джон	<i>работает в лазарете</i>
Брат Гилберт	<i>регент</i>
Брат Киприан	<i>привратник</i>
Отец Мэтью	<i>наставник послушников</i>
Брат Валафрид	<i>травник / винодел</i>
Брат Джилес	<i>помощник травника</i>
Брат Майкл	<i>помощник повара / инфирмария</i>

Брат Эндрю	<i>повар</i>
Брат Амброз	<i>келарь</i>
Брат Клемент	<i>служит в скриптории и библиотеке</i>
Брат Фиделис	<i>садовник, особенно пристрастен к розам</i>
Брат Питер	<i>заботится о лошадях</i>
Брат Марк	<i>пчеловод</i>
Брат Стивен	<i>управляющий фермой</i>
Брат Мартин	<i>привратник (сменивший брата Киприана)</i>
Брат Паулин	<i>садовник</i>
Брат Доминик	<i>гоститалий, или странноприимный монах</i>
Брат Пруденций	<i>работает на ферме</i>
Брат Бэзил	<i>престарелый брат, помогает в странноприимном доме</i>
Отец Жерар	<i>елемозинарий</i>

Послушники и постуланты

Брат Томас	<i>личный помощник аббата; кроме того, работает на ферме</i>
Брат Кормак	<i>работает на кухне</i>

Брат Теодор	<i>основная работа — переписчик и иллюстратор рукописей</i>
Брат Френсис	<i>работает в самых разных местах</i>
Брат Таддеус	<i>работает в самых разных местах</i>
Жерар Пламли	<i>позже — брат Бернард</i>
Брат Ричард	
Брат Дамиан	
Брат Джозефус	
Брат Джеймс	

Больные или престарелые братья, проживающие в лазарете

Брат Денис	<i>бывший пчеловод</i>
Отец Элред	<i>из лазарета — в этой книге не упоминается</i>
Отец Анселм	<i>из лазарета — в этой книге не упоминается</i>
Отец Пол	<i>из лазарета — в этой книге не упоминается</i>
Отец Джералд	<i>из лазарета — в этой книге не упоминается</i>

Глава первая

Мама

Жаль, что вы не знали мою маму. Помню, словно это было вчера, как в конце учебного дня я поднималась по склону холма, а там, на его гребне, стояли родители, встречавшие детей из начальной школы, где учились в том числе и мои маленькие сестры.

Все прочие матери выглядели такими пухленькими, уютными в своих скромных цветастых платицах и симпатичных босоножках на небольшом каблучке; у каждой на голове — обесцвеченные завитушки кудрей, а лицо чуть тронута макияжем — в самый раз для «приличного» выхода на люди. Молодые, общительные

и милые, они весело щебетали, кивали и прыскали, беззлобно перемывая кому-то косточки, пока рядом в колясках вертелись их младшие отпрыски... А на самой верхушке холма, поодаль от остальных, ждала моя мама — высокая, прямая, застывшая, точно пророк. Ее длинная синяя юбка хлопала на ветру, за спиной развевались густые каштановые волосы. Рядом стояла моя сестричка-дошкольница, ее ладошка уверенно покоилась в материнской руке. Малышка всегда знала, что может укрыться в складках этой синей юбки от сурового и непонятного мира детской площадки.

Мама... Она даже не пыталась притворяться красавицей. У нее был волевой подбородок, строго сжатые губы, нос, похожий на соколиный клюв, и пронзительные серые глаза — такие, что смотрели вам прямо в душу, минуя внешнюю оболочку. Под этим взглядом вас переставали волновать пустяки вроде дырки на кофточке, развязавшихся шнурков, сбившейся прически или невымытых рук за обедом; зато начинали всерьез тревожить воспоминания о взятой без спросу конфете, неисполненном обещании или о том, как это гадко — удрать от младшей сестры, чьи короткие ножки про-

сто не успевают за вами. Мама... Убрав посуду после вечернего чаепития, она нередко стояла у мойки, опустив руки, и смотрела, как чайки чертят белыми крыльями вечернее небо. В эти минуты заботы дня оставляли ее, а задумчивый взгляд устремлялся куда-то вдаль. Тем временем мы с Терес садились за кухонный стол делать уроки, а младшие сестры бежали играть во двор. С наступлением сумерек мама звала их домой, всегда начиная с младших, купала их за занавеской на кухне, расчесывала им волосы, чистила зубы, помогала переодеться в ночные сорочки и укладывала спать.

Наступал момент выбора для меня и Терес. Дело в том, что в нашем домике, прилепившемся к склону холма у моря среди других таких же лачуг, было всего две спальни, и мы, дети, спали все впятером в одной комнате, на матрасах, расстеленных на полу. Мама терпеть не могла электрический свет — говорила, будто бы он беспокоит спящую душу и отпускает песочного человека^{*}; поэтому, подоткнув

* Песочный человек — фольклорный персонаж, традиционный для современной Западной Европы. Согласно поверьям, сыплет заигравшимся допоздна детям в глаза волшебный песок, заставляя их засыпать. — *Примеч. пер.*

одеяла Мэри и Бэт, затепливала в углу свечу и садилась в низкое, но удобное кресло с младшей, Сесили, на коленях. Если бы она просто ушла — начался бы полный бедлам. Сесили, не пролежав ни минутки, тут же затеяла бы возню, а девочки постарше рассорились бы из-за какой-нибудь мелочи вроде замечания «Хватит сопеть, Бэт: уснуть не даешь!» и в конце концов разревелись бы в голос. Зная об этом, мама каждый раз терпеливо ждала, пока они заснут. Сесили, свернувшись калачиком, тихо дремала у нее на коленях, а Мэри и Бэт перед сном еле слышно ворочались и вздыхали, отчего язычок свечи то и дело подрагивал в темноте. Терес в ту пору было шестнадцать, а мне четырнадцать, и мы уже могли выбирать: остаться ли в нижней комнате, чтобы спокойно читать в тишине, рисовать или просто смотреть на огонь в очаге, либо подняться по лестнице с остальными, чтобы при свечке сидеть рядом с мамой и слушать ее колыбельные.

Терес чаще всего оставалась внизу, а я поднималась наверх вслед за мамой и долго лежала в постели, сонно глядя на крохотный огонек, трепетавший от каждого сквозняка, отчего на потолке шевелились и путались тени. До-

ждавшись, когда все стихнет, я говорила шепотом:

— Мам, расскажи что-нибудь.

В этом возрасте меня одолевали вопросы, поиски смысла жизни. Беспечные радости и нехитрые горести детства затерялись в прошлом, оставив после себя пустоту и голод познания, который, похоже, ничто не могло утолить. В школе я чувствовала себя невидимкой, просто одной из множества. Там мне, конечно, могли объяснить теорию относительности и позволяют ли нормы современного английского языка вставлять слова между частицей «to» и относящейся к ней неопределенной формой глагола. Что же касается бездны одиночества и безотчетных желаний, открывшейся вдруг во мне, то, казалось, никто бы не пожелал даже выслушать мой вопрос, не говоря уж о том, чтобы на него ответить. По воскресеньям я посещала церковь, слушала все, что там говорили об Иисусе, и верила каждому слову. Правда-правда! Вот только где найти человека, подтверждающего эти истории своей жизнью? Я начала разочаровываться.

Мою пятнадцатую весну понемногу сменяло лето; мне было интересно, встречу ли я

когда-нибудь того, кто будет открыто смотреть мне в глаза, извиняться всерьез, а не в шутку, плакать и не стесняться слез, спорить, ссориться — и все равно оставаться близким? Что же до слова «любовь»... над ним я только хихикала. Хотя именно любви моя душа жаждала до боли.

Возможно, мама все понимала. Наверное, она разгадала то, о чем я не говорила, в чем не признавалась даже самой себе, и поняла, что я отчаянно искала чего-то большего, чем улыбки, шуточки, банальность и легкомыслие. Меня занимал вопрос, а бывает ли так, что протянешь руку во мраке — и другая рука не отдернется, не оттолкнет, не останется равнодушно лежать, а ухватится за твою?

Все-таки жаль, что вы не знали моей мамы. Не слышали, как она рассказывала свои истории тихим, задушевым голосом. Хотелось бы мне совершить чудо — перенести вас в нашу комнату, озаренную огоньком, колыхавшимся от дыхания сонных детей, когда мама вдруг населяла ее людьми из далекого прошлого с их странными, необычными судьбами. Еще мне хотелось бы вспомнить в подробностях каж-

дый ее рассказ, но ведь с тех пор миновали годы и многое позабылось.

И все-таки я записала для вас часть маминых историй. Если выпадет тихая минутка, когда мысли стремятся на волю, прочь от суеты прошедшего дня, — прочитайте их. Я слушала их, когда мне было пятнадцать лет.

Мама утверждала, что все это — чистая правда. А я не помню такого случая, чтобы она соврала. С другой стороны, кто знает, что именно мама считала «правдой»? Иногда это слово и не имело отношения к фактам...

Глава вторая

Отец Колумба

— Когда я сама была девочкой, чуть помладше тебя, — начала мама, — мне рассказывала истории моя прабабушка (ее звали Мелисса, как и тебя). Чего только я от нее не узнала — о дядях, кузенах или, например, о двоюродной бабушке Элис, которая жила в каменном домике в Белл-Баске, в Йоркшире. Вокруг были точно такие же домики — с той разницей, что своей она — уже старенькая художница — расписала всеми цветами радуги. А еще у нее была утка с четырьмя ногами, и прабабушка Мелисса водила меня поглазеть на это чудо природы. Тогда же я узнала, как одного из моих дальних

предков младенцем нашли на пороге, в хозяйственной сумке. О том, как пес моего кузена по кличке Расс откусил целый палец певцу рождественских гимнов; и как бабушке пришлось прогнать свою собаку, которая из любви к хозяину передушила за ночь двадцать соседских кур и разложила добычу перед его крыльцом. Рассказывала прабабушка и о том, как они с сестрами прокалывали друг дружке уши при помощи швейной иглы и пробки, а в рот в это время запикивали смятый носок, чтобы не закричать от боли и чтобы матушка не узнала, чем занимаются ее девочки.

Каких только историй я не наслушалась, и все они были про нашу семью. Но больше всего мне полюбились те, в которых речь шла о монастыре давно минувших времен. Вот уже семь веков их передавали от поколения к поколению. Когда-то давно их рассказывал очень и очень мудрый дядюшка Эдуард, доживший почти до ста лет. На закате дней, когда его синие глаза потускнели, кожу избородили морщины, а голова облысела, за исключением пары жидких седеньких прядей (хотя усы продолжали расти исправно, не говоря уже о невероятно кустистых бровях), дядюшка Эдуард

любил развлекать историями своих гостей, среди которых была и его двоюродная внучка — тоже Мелисса. Благодаря ей эти рассказы так и пошли из рода в род; вот и моя прабабушка на склоне лет передала их мне, а я — тебе.

Дядюшка Эдуард провел свою жизнь как нищенствующий монах ордена благословенного Франциска Ассизского, странствуя по английским графствам и проповедуя людям Евангелие. Но годы шли; к шестидесятой весне он ощутил, что пора бы уже где-то осесть. Итак, после сорока лет подвижничества дядюшка присоединился к общине бенедиктинцев в аббатстве Святого Алкуина на окраине Йоркшира, вдали от родного дома, который остался в Или, в графстве Кембриджшир; впрочем, здешние места точно так же продувались насквозь ветрами. Брат Эдуард сделался инfirmарием — то есть взял на себя заботы о заболевших монахах, так как за годы странствий с братьями-францисканцами набрался неоценимого опыта по части исцеления разных болезней. Он был весьма искусен в приготовлении питательных отваров и припарок, травяных бальзамов, настоек и ароматических масел, умел ловко вправить кость или залечить

рану. Словом, примкнув к общине Святого Алкуина, дядюшка принялся опекать стариков и больных в согласии с Уставом святого Бенедикта.

В 1303 году, когда брату Эдуарду исполнилось шестьдесят шесть лет, четыре из которых он к тому времени провел в аббатстве, их старый добрый аббат, отец Грегори Воскресение, мирно почил во сне с улыбкой на устах, пресыщенный днями, и с радостью отошел в уготованный ему благословенный покой. Его уход опечалил братьев, ибо он управлял ими с кротостью, пользовался большим уважением и, сочетая милосердие со справедливостью, знал, как пробудить в своих подопечных все лучшее и направить их к жизни, исполненной труда и молитвы. Более всех сокрушался отец Чад, приор, второй по старшинству после аббата-настоятеля, — ведь теперь, вплоть до появления нового аббата, именно на его плечи должна была лечь ответственность за общину. Между тем отец Чад был застенчив, тих и немногословен. Кроткий молитвенник, он мало годился для этой должности, никогда не понимал, за что его выбрали приором, а теперь и вовсе ужасался великому бременю, сваливше-

муся на него. С тихим вздохом сожаления он покинул уютную келью, прогретую теплом от камина в соседней обогревательной комнате, и переселился в положенные ему просторные покои, где гуляли вечные сквозняки. Денно и ночью возносил отец Чад молитвы о том, чтобы новый аббат появился скорее, но только чтобы это место ни в коем случае не досталось ему самому.

Такое было в порядке вещей — когда умирал настоятель, братья избирали нового из своей среды. Однако, хотя вся община ревностно молилась, а старшие отцы проводили долгие часы, совещаясь и усердно размышляя, они вынуждены были с неохотой признать: в аббатстве Святого Алкуина нет человека, наделенного необходимыми качествами, чтобы занять место отца Грегори. Итак, им пришлось обратиться к епископу с просьбой прислать им аббата из числа братьев какого-нибудь другого монастыря, — разумеется, пообещав подчиниться его выбору и смиренно принять любого назначенного им руководителя.

Вскоре стало известно, что епископ собирается лично представить нового главу общины.

Возвращаясь в Нортумбрию из Лондона, где у него была встреча с королем, он решил навестить монастырь и заодно привезти своего избранника.

Братия пришла в неопиcуемый восторг — все, за исключением объятого трепетом отца Чада, которому предстояло принимать за столом не кого-нибудь, а епископа и аббата! Дядюшка Эдуард подбадривал его как умел:

— Храбритесь! Не падайте духом! Единственный вечер — и все будет позади. Вернетесь вы в вашу теплую келью, а этот студёный сарай оставите новичку, помогай ему Бог. Скажите, епископ ведь упомянул его имя? Да?

Отец Чад бросил взгляд на письмо, хотя за утро перечитал его дюжину раз и выучил наизусть чуть не каждое слово, и на всякий случай провел пальцем под нужной строчкой.

— Вот... Отец Колумба, сублиор из монастыря Святого Петра, близ города Или. Больше епископ о нем почти ничего не пишет. Поживем, увидим.

— Или? Я родился и вырос на тех болотах. Мой племянник принял сан в монастыре Святого Петра. Интересно... Постойте-ка, вы ска-

зали, Колумба*? Ну, нет, этого парня никто бы в здравом уме «голубем» не назвал...

— Не хотите ли отужинать с нами, когда придут гости? — спросил отец Чад как можно более равнодушным тоном.

Однако Эдуард сумел различить в его голосе нотки нарастающей паники.

— Почту за честь. Надо будет поторопиться, чтобы управиться с делами пораньше. Отца Лукана снова мучают боли в плече и шее. Посижу с ним, сделаю ароматическое притирание, оно чудесно ему помогает.

С этими словами брат Эдуард не без труда поднялся и побрел через пустую и неуютную комнату к тяжелой дубовой двери. На пороге он помедлил и оглянулся. Отец Чад по-прежнему сидел в солидном резном кресле, угрюмо глядя на исписанный лист бумаги, лежащий перед ним на огромном и внушительном столе.

— Даже самые трудные дни когда-то заканчиваются, — сказал ему в утешение брат

* Колумба — от *лат.* *columba*, что значит «голубь». — *Примеч. ред.*

Эдуард. — Опомнитесь не успеете, как уже все будет позади.

Шагая к лазарету, он с радостью размышлял о том, что одним из первых сможет увидеть нового аббата.

— Колумба, — задумчиво проговорил Эдуард, прислушиваясь к новому имени. — Колумба... Ирландец, что ли? Посмотрим.

Когда человек становится частью монастырского братства (так объяснила мне моя мама), то порывает с миром и всеми его путями, чтобы с чистого листа начать совершенно новую жизнь, посвятив себя Господу без остатка. При этом он дает три обета: бедности, чтобы уже никогда ничего не считать своим; безбрачия, чтобы не жениться и не заводить подружек, но видеть во всякой женщине родную сестру, а в мужчине — брата; и, наконец, обет послушания, чтобы подчиняться аббату общины и повиноваться каждому его слову. Приняв на себя первые обеты, после шести месяцев послушничества брат получает монашеское облачение — длинную тунику (черную у бенедиктинцев) с широкими рукавами, кожаным поясом и отдельно сшитым остроконечным капюшоном.

В знак того, что прошлое уже не имеет власти над ним, монах, словно рожденный заново, получает от аббата другое имя. Чаще всего тот старается выбрать что-нибудь напоминающее о характере или жизненных обстоятельствах подопечного. Дядюшка Эдуард, к примеру, получил свое имя еще во младенчестве, в честь доброго и святого короля Эдуарда Исповедника; когда же он присоединился к общине, аббат не стал менять его имя, сказав, что нельзя и надеяться превзойти короля Эдуарда в его преданности Иисусу Христу. И вот теперь епископ собирался привезти кого-то, названного Колумбой в честь одного ирландского святого. А голубь — это воплощение нежности, доброты, простоты, и к тому же — символ Духа Святого.

После вечерни брат Эдуард с нетерпением поспешил в настоятельские покои, чтобы скорее встретить высоких гостей, приехавших час назад и разместившихся в странноприимном доме.

— Так-так! — пробормотал он, едва новичок появился на пороге.

Они не виделись много лет, но это был, без сомнения, сын его сестры Мелиссы.

«Колумба, надо же! — мысленно усмехнулся инfirmарий. — Кроткий и нежный голубь? Ни за что не поверю...»

И в самом деле, новый аббат — а Эдуард знал его с ранних лет — совершенно не походил на голубя. Его покойная мать была гордой и знатной женщиной, отец — богатым, властным нормандским аристократом, который напоминал сокола и выразительным профилем, и особенной хищной хваткой. Когда родился их сын, мать посмотрела на его загнутый вроде клюва нос, на сверкающие темные глаза, столь необычные для румяного младенческого личика, рассмеялась и назвала его Перегрином*. Она не ошиблась: мальчик и впрямь рос похожим на птицу-охотника — свирепым, надменным, заносчивым. А его пронзительный взгляд и нос, похожий на клюв... Прабабушка Мелисса утверждала, будто бы я пошла в него, и это спустя столько лет, представляешь!

У Перегринна было два старших брата. Первенец, Жоффриу, взял на себя заботу о земле и скоте в отцовском поместье. Средний, Эмма-

* Перегрин — от *англ.* peregrine, что значит «обыкновенный сокол, сапсан». — *Примеч. ред.*

нуэль, подался в солдаты. А Перегрин, самый упрямый, самый лютый из них, внезапно поразил всех, подарив свое непокорное, гордое сердце Иисусу Христу, отвернулся от мира и примкнул к бенедиктинской общине аббатства Святого Петра неподалеку от Или.

Конечно же, одно дело — любить Христа, и другое — следовать за Ним; бедность, безбрачие и повиновение шли Перегрину ничуть не более, чем власяница послушника. И все-таки братия сочла его небезнадежным. Было трудно, но молодой человек продержался ровно год (причем почти на одном только упрямстве), после чего наконец принес обеты и стал братом Колумбой. Одно из двух: либо у его аббата было странное чувство юмора, либо вообще никакого, а лишь огромная вера, непостижимая для большинства людей.

Усердный ученик и благочестивый монах, Перегрин через некоторое время был рукоположен в священники. Вдобавок он показал себя блестящим философом и, кроме того, унаследовал отцовскую деловую смекалку и явные лидерские качества. Да, Перегрин был не особенно популярен из-за своей резкой

прямоты и честности: братья видели в нем слишком мало доброты и сострадания. Постоянная самодисциплина, стяжание интеллектуальных и духовных богатств, к которым брат Колумба так ревностно стремился, отнимали все его силы, не оставляя возможности научиться тонкому искусству любви, не говоря уж о том, чтобы принимать ее от других. Но все же его способности оценили по достоинству и, хотя Перегрин не завоевал особых симпатий, доверили несколько ответственных постов.

Когда епископ поинтересовался в общине Святого Петра, не найдется ли среди братьев человека, достойного возглавить монастырь Святого Алкуина, ему сразу же назвали имя отца Колумбы, недавно избранного субприором. Так на сорок пятом году своей жизни Перегрин сделался господином аббатом и прибыл на север Йоркшира.

Довольный советом, епископ не сомневался в выборе.

Аббат общины Святого Петра, знавший своих монахов лучше, чем те знали себя сами, так и сказал ему: «Этот брат беспощаден к себе, да

и подопечным спуску не даст. Таким уж он уродился. Но зато справедлив, неизменно вежлив и весьма проникателен: никому не позволит водить себя за нос. Держится особняком. Иногда я думаю, не одинок ли он? Трудно сказать. Французский дворянин, что с него возьмешь? Строг, суров и учтив. Его отъезд не разобьет наши сердца, и все же в каком-то смысле мне жаль терять этого человека. Отец настоятель Колумба... Да, ему это подойдет».

Итак, епископ доставил Перегрин в аббатство. Брат Эдуард сочувственно улыбался, наблюдая за тем, как приор приветствует их обоих. Ногти отца Чада были обкусаны до мяса, а его левый глаз нервно задергался, когда настало время приветствовать высоких гостей целованием мира и приглашать к столу. Старшие члены общины, как и капеллан епископа, присоединились к ужину.

Смешавшись с остальными, брат Эдуард внимательно наблюдал за своим племянником. При встрече тот радостно обнял родного дядю, сверкнув живой, как в детстве, улыбкой приятного изумления, и его лицо озарилось неожиданной теплотой.

Содержание

Предисловие.....	5
Община аббатства Святого Алкуина.....	8
<i>Глава первая. Мама</i>	11
<i>Глава вторая. Отец Колумба</i>	19
<i>Глава третья. Пирог со смирением</i>	71
<i>Глава четвертая. Клэр де Монтани</i>	99
<i>Глава пятая. Линяющий сокол</i>	145
<i>Глава шестая. Жаворонок взмывает к небу</i>	169
<i>Глава седьмая. С кем каши не сваришь</i>	207
<i>Глава восьмая. Новое начало</i>	253
Словарь терминов.....	295
Распорядок дня в монастыре.....	298
Литургический календарь.....	300